

Азизова А.О.
**Автобиографизм прозы
Ивана Щеголихина
периода Независимости
Казахстана**

В данной статье автор затрагивает тему автобиографизма в произведениях Ивана Щеголихина. Стоит отметить то, что в последние годы И.П. Щеголихин плодотворно работал в жанрах романа и повести, имеющих ярко выраженный автобиографический характер. Отмечая ярко выраженный автобиографизм в произведениях Щеголихина, автор так же не упускает из поля зрения и неповторимую жанровую специфику писателя, понять которую можно, рассмотрев творческую историю его текстов. В статье говорится о том, как писатель использовал две тенденции классического реализма: одна из них тесно связана с русской традицией бытоописания и описания нравов, вторая – с общеевропейским каноном повествования о психологическом развитии героя. Кроме этого, автор статьи подчеркивает и особую разновидность документального романа И. Щеголихина, что не вольно дает возможность определить сходство писателя с Достоевским.

Ключевые слова: автобиографизм, жанровая специфика, документальный роман.

Azizova A.O.
**Autobiographism of prose of Ivan
Shchegolikhin of the period of
Independence of Kazakhstan**

In this article the author touches upon an autobiographism subject in Ivan Shchegolikhin's works. It should be noted that in recent years I.P. Shchegolikhin fruitfully worked in the genres of the novel and story having pronounced autobiographical character. Noting pronounced autobiographism in Shchegolikhin's works, the author also doesn't miss from weed sight and unique genre specifics of the writer, to understand which it is possible, having considered creative history of his texts. In article it is said how the writer used two tendencies of classical realism: one of them it is closely connected with the Russian tradition of chronicles and the description of customs, the second – with the all-European canon of a narration about psychological development of the hero. Besides the author of article emphasizes also a special kind of the documentary novel of I. Shchegolikhin that isn't free gives the chance to define similarity of the writer to Dostoyevsky.

Key words: autobiographism, genre specifics, documentary novel.

Әзизова А.О.
**Қазақстанның Тәуелсіздік
кезеңіндегі Иван Щеголихин
прозасындағы
автобиографизм**

Мақалада Иван Щеголихин шығармаларындағы автобиографизм мәселесі сөз етілген. Соңғы жылдары И.П. Щеголихин автобиографиялық сипаты айқын аңғарылатын роман және повесть жанрында өнімді қалам тартқандығы жөнінде атап өткен жөн. Щеголихин шығармаларында айқын көрініс тапқан автобиографизм мәселесін айшықтай отырып, мақала авторы жазушы қаламынан өнген мәтіннің шығармашылық тарихын қарастыру нәтижесінде қол жеткізуге болатын қаламгердің қайталанбас жанрлық ерекшелігін де назардан тыс қалдырмаған. Мақалада жазушының классикалық реализмнің екі ұстанымын қолданғандығы да сөз болады. Оның бірі – тұрмыс пен болмысты бейнелейтін орыс дәстүрімен, екіншісі – кейіпкердің психологиялық дамуы жайында баяндаудың жалпыевропалық қағидасымен тығыз байланысты. Сонымен қатар, И. Щеголихиннің документалды романының алуантүрлілік ерекшелігін атай келе, осы тұрғыдан оның Достоевскиймен ұқсастығын да атап кеткен.

Түйін сөздер: автобиографизм, жанрлық ерекшелік, документалды роман.

докторант PhD III курса Казахского национального университета
имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан,
e-mail: ainuqa_28_87@mail.ru
Научный руководитель – д. ф. н. профессор Джолдасбекова Б.У.

**АВТОБИОГРАФИЗМ
ПРОЗЫ ИВАНА
ЩЕГОЛИХИНА
ПЕРИОДА
НЕЗАВИСИМОСТИ
КАЗАХСТАНА**

Поэт Леонид Скалковский в одном из интервью назвал Ивана Щеголихина писателем-летописцем, который, как пушкинский Пимен, мог бы сказать о себе: «Еще одно последнее сказание – и летопись окончена моя». Последняя «летопись», созданная Щеголихиным незадолго до смерти и еще не увидевшая свет, имеет емкое заглавие – «Между прошлым и будущим». В памяти всплывают слова песни из кинофильма «Земля Санникова: «Призрачно все в этом мире бушующем / Есть только миг за него и держись / Есть только миг между прошлым и будущим / Именно он называется жизнь» (автор слов – поэт Л. Дербенев, композитор – А. Зацепин). «Миг между прошлым и будущим» длиною в человеческую жизнь является главной темой всего творчества русского писателя Казахстана Ивана Павловича Щеголихина, который, несмотря на удары судьбы, жил и творил в полную силу, согласно аристотелевской формуле: «Служение государству есть не рабство, а спасение». Неслучайно в одном из последних интервью он процитировал напоследок стихи епископа Вятского никандра «Ревнителю православия»: «Пока еще враг дожидает зари, / пока не погасли совсем алтари, / пока не свалился – иди, говори... / Работы там много еще впереди... / Иди и буди!» [1]. «Иди и говори! Иди и буди!» есть кредо общественной позиции Щеголихина как писателя и гражданина Казахстана.

В последние годы И.П. Щеголихин плодотворно работал в жанрах романа и повести, имеющих ярко выраженный автобиографический характер: «Не жалею, не зову, не плачу...» (1987-1989 г.), «Любовь к дальнему» (1996 г.), «Мир вам, тревоги прошлых лет» (2003г.); «Выхожу один я на дорогу» (1996-2004 г.); «Холодный Ключ забвенья» (2001), «Дневник писателя» (2009 г.), «Хочу вечности». Эпиграфом к ним, согласно желанию самого писателя, можно поставить слова Александра Блока:

Благословляю все, что было.
Я лучшей доли не искал.
О, сердце! Сколько ты любило!
О, разум! Сколько ты пылал! [2, 168].

В одном из интервью писатель, говоря о предпочтении им жанров автобиографического, мемуарного и дневникового характера, сослался на Л.Н. Толстого, который писал, что когда-то «настанет такое время, когда писатели перестанут сочинять, перестанут придумывать конфликты, сюжеты и будут писать только о своей жизни». Щеголихин признавался, что «это всегда помнил, начал писать о своей жизни в шестидесят лет и уже не вернулся к сочинительству. Еще одной причиной обращения к этим жанрам явилась фраза из Корана, которую он услышал в 1944 году и запомнил на всю жизнь: «Твоя судьба записана в Книге вечности, и Ветер жизни листает ее случайные страницы» [3].

Но несмотря на ярко выраженный автобиографизм вышперечисленных текстов, в жанровом плане каждое произведение Щеголихина последнего периода имеет свою неповторимую жанровую специфику, понять которую можно, рассмотрев творческую историю его текстов. Роман «Не жалею, не зову, не плачу...» был начат в 1986 году, хотя замысел вынашивался, скорее всего, на протяжении долгого, насыщенного событиями времени: «...Я не знал в тот день, что пройдет время, и десять, и двадцать, и тридцать лет пройдут, я стану старым и скажу внуку: то были лучшие годы в моей жизни, я ни о чем не жалею. «Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым, увяданья золотом, охваченный, я не буду больше молодым» [4, 430]. Преобладающей идеей является мысль о том, что автор, несмотря на все трудности, выпавшие на его долю, несмотря на острое ощущение тотального трагизма окружающей его жизни, остался верен идее нравственности и справедливости, и в этом видит свое назначение на земле.

Эту книгу можно воспринимать как роман-свидетельство об историческом прошлом (40-50-ые годы XX века), Романный жанр в творческой практике Щеголихина впервые был сведен к почти документальному способу воспроизведения событий, подлинность которых подтверждает автор-повествователь и действующий персонаж-герой в одном лице. Описанные Щеголихиным истории обитателей лагеря («микророманы») вводят читателя в контекст «лагерной прозы» в лице А. Солженицына, В. Шаламова и др., где главным объектом художественного исследования становится взаимодействие личности и исторической эпохи. Их также можно рассматривать и как опыт творческого диалога Щеголихина с Достоевским («Записки из Мертвого дома»).

И здесь нужно иметь в виду не столько традиции автобиографической прозы известных реалистов XIX-XX веков в лице Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, М. Горького, Сабита Муканова и др., а апеллировать к творческому опыту И.А. Бунина и его автобиографическому роману «Жизнь Арсеньева». Это произведение – не просто воспоминание о жизни, а воссоздание своего восприятия жизни и переживание этого восприятия (то есть новое «восприятие восприятия»), поэтому для него характерно повествование от первого лица, нарушение хронологической последовательности в воспроизведении событий жизни героя и отсутствие «хронологических» обозначений (например, «младенчество», «детство», «отрочество» и т.д.). Роман Щеголихина построен именно в таком ключе: герой-повествователь рассказывает о своем лагерьном настоящем, делает постоянные отступления-экскурсы в прошлую, «иную» жизнь и «предугадывает» будущее. Он осмысливает конкретные реалии своего жизненного пути с некоей абсолютной высоты, благодаря чему жизнь его жизнь отдельного человека получает философское измерение. Поэтому оправданна его трехчастная композиция: «Кто не был, тот будет», «Лети, мой друг, высоко», «Кто был. Тот не забудет». В каждой из них – динамичный сюжет переплетается с монологами-раздумьями героя, дающего происходящему на его глазах свою, отличную от общепринятой, общественной точки зрения, оценку.

«Не жалею, не зову, не плачу...» ретроспективно осмысливается как «роман воспитания». Таким образом, в этой книге писатель плодотворно использовал две тенденции классического реализма: одна из них тесно связана с русской традицией бытописания и описания нравов, вторая – с общеевропейским канон повествования о психологическом развитии героя. Но, в соответствии с замыслом писателя, здесь мы наблюдаем также смещение реалистической модели прозы в сторону «литературы факта». Поэтому можно воспринимать эту книгу и как роман-свидетельство: ведь автор во главу угла ставит категорию долга и исходит из «потребности правды». Герой-автор Щеголихин берет на себя ответственность за подлинность повествования, участвует в действии и оценивает события.

Особенность романа «Не жалею, не зову, не плачу...» как «романа воспитания» – в том, что автор и герой прошел путь становления еще до лагеря. Его этический кодекс верности офор-

мился до ареста, поэтому он находится не на стадии формирования взглядов, а в условиях проверки их на прочность. В дискуссии Солженицына и Шаламова по проблеме, позитивен или негативен лагерный опыт, позиция Щеголихина скорее всего неоднозначна. В какие-то моменты лагерной жизни он близок к пессимистическим утверждениям автора «Колымских рассказов». Но зачастую он считает позитивным и этот отрицательный опыт выживания и не исключает возможности нравственного роста личности в условиях предельного ограничения свободы.

Но в романе Щеголихина можно обнаружить еще одно сходство-сближение с Достоевским: их сближают аллюзии и скрытые цитаты, эпиграфы, система персонажей-«двойников», размышления над текстом-«первоисточником», то есть можно сказать, что Достоевский и Щеголихин создают особую разновидность документального романа, включающего в себя включает фрагменты автобиографии, документальные очерки и психологические микророманы. В автобиографической части герой-повествователь рассказывает о своем лагерном настоящем, делает постоянные отступления-экскурсы в прошлую, «иную» жизнь и «предугадывает» будущее. Точно названы место действия («Красноярский край, Хакасская автономная область, рудник Сора, почтовый ящик 10»), время, определенное лагерным режимом, герои – реальные люди, сидевшие вместе с Щеголихиным в лагере. В центре сюжета-воспоминания – жизнь Щеголихина-зека в лагере, будничная и в то же время драматичная, в иных моментах трагичная из-за постоянного противостояния человека системе, нечеловеческим условиям, заставляющим его терять свое я, унижающим человеческое достоинство. Повествование начинается с курьеза, который мог обернуться трагедией: герой-повествователь вместе с другим заключенным – хирургом Пульниковым возвращаются в лагерь после удачно проведенной операции жене какого-то начальника и на себе несут пьяного Сашу-конвоира, который чуть не потерял пистолет, заключенный Щеголихин нашел это оружие и донес до самого лагеря. В заключительной сцене Щеголихин выходит из лагерного ада и у ворот встречает того самого конвоира, который делает вид, что не знает Щеголихина и не помнит о чудесном спасении его репутации: «Не было этого, – четко повторил Саша и глянул дальше, за мою спину. – Следующий» [4, 430].

Документальные «очерки», включенные в повествование, представляют собой бытописа-

тельные заметки и жанровые сценки, в которых раскрываются законы и обычаи внутри лагеря. Щеголихин воссоздает правдивую картину жизни советского общества послевоенного времени. Функцию зачина документальных описаний выполняют своеобразные микророманы. В книге также отчетливо выделяются автономные микророманы, портреты, новеллистические наброски в двух-трех предложениях, в том числе «рассказ в рассказе». Типовая композиция микроромана триединая: портрет заключенного – предыстория – история заключения. Им присуща меткая концовка – способ отграничения от основного повествования. Еще одно качество Щеголихина-писателя – сдержанность и краткость – позволяет ему соединить в одну речевую форму документальную достоверность и проникновенный лиризм, что придает этому сложному в жанровом плане повествованию под емким заглавием «Не жалею, не зову, не плачу...» ощущение художественного целого.

Жанр последнего произведения И.П. Щеголихина определен в самом заглавии – «Дневник писателя» (2009 г.). Писатель вновь возвращается к истокам своей трагедии и в то же время стремится охватить рамками своего «Дневника» все написанное им. Соединение биографического и художественного начал дневника писателя создает особую ситуацию, когда проявляется способность текста к автобиографизации его автора, так как дневник не просто воспроизводит жизнь, а конструирует и реконструирует ее под определенным углом зрения. Но стоит заметить, что основные атрибуты этого жанра в разных вариациях использовались Щеголихиным в книге «Выхожу один я на дорогу», названной писателем «автобиографическим романом». Эпиграфом к этому произведению писатель выбрал пушкинские стихи: «Сохраню ль к судьбе презренье, / Понесу ль навстречу ей / Непреклонность и терпенье / Гордой юности моей?» [5, 130].

Генезис этой книги – в имеющихся почти у каждого писателя набросках, черновиках, обрывках разговоров и прочего взятого из жизни материала. На первый взгляд, роман производит впечатление монтажа записей, но при внимательном чтении выявляется центростремительный аспект их организации: он включает в себя планы актуального (публицистическая хроника) и биографического (подробности из ежедневной личной жизни Щеголихина). Причем это не простая контаминация, а именно сплав публицистического, актуального и художественно-биографического, личного. Это невыдуман-

ные истории-рассказы очевидца событий (он называет себя автором, «а также и персонажем лирическим, политическим, местами психиатрическим» [6, 6] о себе и своей стране начиная с 1995-ых до 2003-2004-ых годов: «Я перестал сочинять романы и повести, и стал писать только о том, что вижу и слышу.<...> События 1995 года сами по себе сложились в главу для романа» [6, 6].

«Портрет эпохи» и образ автора – два композиционных центра этого дневника-хроники. Но также можно заметить, что большое внимание уделяется духовной истории личности, мысленно обращенной и в прошлое, и в будущее. Щеголихин исходит из убеждения, что образцовый дневник находится на границе высказывания и умолчания, поскольку бытие человека до конца непостижимо. История в «Выхожу один я на дорогу» – это не только «биографии известных людей», но и эволюция массового сознания казахстанского общества. Внимание автора приковано не только к значимым фигурам политической сцены и культурного олимпа, но и к малоизвестным персонам, люди, которые интересны писателю как собеседники и сотоварищи. Каждая запись о происходившем в то или иное конкретное время представляет потенциальный рассказ, то есть за бытовыми картинками и историческими образами нередко скрывается глобальный смысл. Роман пронизан художественно-пуб-

лицистическими аналогиями, действие переносится из одного города в другой (Алма-Ата и Астана, Париж и города Швейцарии, Москва и Петербург). Автор – участник поистине эпохальных событий этого десятилетия, не только описывает их, но и комментирует, дает оценку, при этом современная ситуация обозначается несколькими фразами, тогда как ее аналогия в прошлом раскрывается в деталях. Иногда записи осложняются введением «чужого текста», Щеголихин широко использует прием цитации, аллюзий, он ориентируется на диалог с литературной традицией, предлагает свое прочтение библейских историй.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что его автобиографические произведения последних лет, включая и «Дневник писателя», представляют собой разные формы «экстравертивного» дневника. Неслучайно в последней из опубликованных вещей в качестве эпиграфа, выполняющего роль признания, использована цитата Михаила Пришвина: «С отвращением отбрасываю старую условность – скрывать от читателя своё авторское бытие». Щеголихин-автор наблюдает, размышляет над увиденным и услышанным, довольно сдержанно раскрывая обстоятельства собственной жизни. Поэтому можно утверждать, что автобиографичность является устойчивым фактором творчества писателя последних лет.

Литература

- 1 Галкина Г. Иди и буди! // Новое поколение. – 2009. – 5 февраля.
- 2 Блок А.А. Благословляю все, что было // Александр Блок. Избранное. – Алма-Ата: Жазушы, 1978. – 218 с.
- 3 Киселева Е. Иван Щеголихин: Без любви все – НИЧТО! // Литературная газета Казахстана. – 25 декабря 2007 г.
- 4 Щеголихин И. Не жалею, не зову, не плачу // И.П. Щеголихин. Избранное. – Алма-Ата: Ана тілі, 1997. – С. 5-431.
- 5 Пушкин А.С. Предчувствие // А.С. Пушкин. Собр. соч. в 10 т. – Т. 2. – М.: Правда, 1981. – С. 130.
- 6 Щеголихин Иван Павлович. Выхожу один я на дорогу: роман в 2 т. – Алматы: Азия, 2006 – Т. 2. – 2006. – 430 с.
- 7 Щеголихин И. Хочу вечности: повесть. – Алматы, 2000.

References

- 1 Galkina G. Idi i budi! // Novoe pokolenie. – 2009. – 5 fevralja.
- 2 Blok A.A. Blagoslovljaju vse, chto bylo // Aleksandr Blok. Izbrannoe. – Alma-Ata: Zhazushy, 1978. – 218 s.
- 3 Kiseleva E. Ivan Shhegolihin: Bez ljubvi vse – NICHTO! // Literaturnaja gazeta Kazahstana. – 25 dekabnja 2007 g.
- 4 Shhegolihin I. Ne zhaleju, ne zovu, ne plachu // I.P. Shhegolihin. Izbrannoe. – Alma-Ata: Ana tili, 1997. – S. 5-431.
- 5 Pushkin A.S. Predchuvstvie // A.S. Pushkin. Sobr. soch. v 10 t. – T. 2. – M.: Pravda, 1981. – S. 130.
- 6 Shhegolihin Ivan Pavlovich. Vyhozhu odin ja na dorogu: roman v 2 t. – Almaty: Azija, 2006 – T. 2. – 2006. – 430 s.
- 7 Shhegolihin I. Hochu vechnosti: povest'. – Almaty, 2000.